

Роберт Шекли

Всё по порядку

<http://book.zehinli.info>

Одиссей, хитроумнейший из мужей, чьи выдумки не раз выручали ахейцев, навлек на себя гнев Посейдона. Разгневанный бог гнался за героем по всей Аттике до самых Додеканесских островов. Как ни старался Одиссей достичь таких мест суши, где пути морские неведомы, Посейдон каждый раз выпускал на волю сильные ветры, которые толкали Одиссея обратно к берегу. Хуже того, бог вторгнулся в его сознание и внушал странные мысли, а те заставляли Одиссея снова и снова возвращаться к морю.

И вот герой снова там, откуда бежал. Рядом с ним море, прекрасное море, под ногами - морской песок, слева горы и справа вода. Здесь сыграет Одиссей свою последнюю игру. Ибо на сей раз морской бог решил, что слишком долго терпел он дерзкого смертного. Теперь он шутить не станет и прихлопнет Одиссея как муху.

Корабль Одиссея разбился у берегов Феакии. Сидит герой на пустынном морском берегу, внимает гулу прибоя, смотрит на сиреневую линию, где встречаются море и небо, и думает о смерти. Думает, жив он еще или уже умер.

И вот последний кадр. Одиссей выходит из моря. С тела его струится вода, голова опущена, волосы ниспадают на глаза и ветер треплет их. Грубоват, наверное, но Навсикая считает его прекрасным.

Видение в полдень на пустынном морском берегу.

Навсикая и ее служанки замерли от удивления и смотрят на выходящего из моря голого человека.

- Где я? - спросил Одиссей.

- Это Феакия, - отвечала ему Навсикая.

О, боги, как она хороша!

«Смертельно хороша, - подумал Одиссей. - Хороша и смертоносна. Или я потерял чутье. Именно такие мне и нравятся».

И Одиссей раздраженно покачал головой. Еще один роман - только этого не хватало! И потом, разве ничего подобного с ним раньше не случилось? Разве вся жизнь его не случалась раньше? Не случилось все, что могло случиться?

Одиссей попытался вспомнить, что будет дальше, но не смог. Лишь неясные предчувствия мучили героя-Картины будущей жизни проносились перед его внутренним взором, как летучие мышьяк-альбиносы.

За спиной раздался какой-то звук. Хитроумнейший из мужей повернулся и замер. Дух его исполнился новой силой. Одиссей подумал, кем же он будет сегодня .

Смутно, сквозь туман прежней самоуглубленности пришло понимание - неизбежное и трезвое осознание своего положения.

И положение это требовало немедленной реакции.

Он не был... Нет, он был! Но чем? Необходимо найти нужное слово. Как трудно не знать, кто ты. Ничто не может быть хуже.

Женщина ударила по больному месту.

- Как твое имя, чужестранец? - спросила Навсикая.

- Ирвинг Спагетти, к вашим услугам, - немедленно ответил Одиссей.

Герой готов был язык себе откусить. Но от привычки лгать не так просто избавиться. Даже сейчас, говоря с этой милой, искренней девушкой, он не мог сказать правду. Глупо, конечно, хотя, может, оно и к лучшему.

И Одиссей опять подумал, что сама по себе игра не так и сложна. Вот только играть в нее снова и снова, не в силах вспомнить, что было в первый раз... Что же тогда случилось, в первый-то раз? Допустим, он правильно понимает условия игры, хотя вспомнить их все равно не может. Да, более или менее правильно...

Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще стоит тут и все так же хороша. И что он, интересно, должен с ней делать?

Воспоминания о жизни с Навсикаей нахлынули внезапно. Маленькая, со вкусом обставленная квартирка в деловом центре Феакии. Разрешение пользоваться папочкиной колесницей - не парадной, конечно, не той, что для торжественных выездов... Вероятно, все остальное придет позднее. Во всяком случае, обычно так и получается. Как он, к примеру, за Навсикаей ухаживал? У них, наверное, были свидания? Какие слова он ей говорил? И как быть с Пенелопой?

Внезапно Одиссей ощутил тревогу. Да, здесь он в безопасности. Здесь, в теплой, уютной квартирке, рядом с Навсикаей... Однако платили ему вовсе не за это. Где-то герой сошел с истинного пути.

И все это, разумеется, было до того, как в городе появился чужеземец. Ибо когда он появился - о, эта зловещая фигура с волынкой, с кошмарной волынкой (извините, я хочу быть беспристрастным рассказчиком, но кровь моя вскипает при одной только мысли о чужеземце, и я не стыжусь того, что сказал, - иначе нарушится ход моих мыслей) - и все изменилось, никогда ничего уже больше не было, как прежде. Не сказать, чтобы мы этого ждали. Особенно после проклятия лесных карликов... Впрочем, я забегая вперед.

Вначале был Одиссей, давайте не забывать - что не так-то просто здесь, в вонючей яме, среди гниющих рыбьих голов и вони разлагающихся трупов. Но мы выдержим, мы и наши товарищи, должен же кто-то рассказать эту историю, ибо молчание наше вопиет к небесам. Почти никто не знает, что Навсикая была матерью Одиссея. Собственно, именно поэтому из их романа так ничего и не вышло. И тут все заслоняет фигура Эдипа. Одиссей вовсе не так умен, как гласит молва. Да и Афина никогда не отличалась тем аскетизмом, который ей приписывают. Люди просто не осмеливались болтать о ней. Важнее всех на самом деле Харон. Большую часть времени люди проводят с ним.

- Харон! Ты здесь?

- Я здесь. Вижу, что и ты все еще здесь. По-прежнему пытаешься разоблачить богов?

- А кто сказал, что я не должен этого делать?

- Ты волен поступать, как пожелаешь. Тут никаких сомнений быть не может. Но и сомнения бывают разными. Одни нам полезны, в других и вовсе нет проку.

- А как быть с тем, что я сомневаюсь в богах?

- Они сами того хотят.

- Боги?

- Разумеется. Боги - олицетворения самосознания. Они ищут скрытые мотивы твоих поступков. И не верят, что ты знаешь, кто ты и что ты. А мы сомневаемся, что они о себе-то хоть что-нибудь знают. Боги - кучка безработных чужаков. Вот они и ищут, чем бы заняться.

Есть что-то бесконечно притягательное в земле мертвых, не правда ли? Как приятно изнывать от скуки в каком-нибудь очаровательном унылом уголке. Или даже безобразном.

- Тон твой должен изображать иронию?

- Да нет, зачем. Когда живешь в античном мире, нет даже телевизора, чтобы убить время. На нашей барке - той, на которой мы

перевозим умерших, - телевизор есть. В салоне. Но показывают там только сцены у смертного ложа. Самые знаменитые кончины.

Основная драма жизни умершего заключается в том, как он умер. Эта тема волнует всех и каждого. Вы легко привлечете внимание покойника, рассказав, как вы умирали, - ему это более чем любопытно. Однако сильнее всего интересует усопших их собственная смерть. Ирония судьбы: умершие никогда ее не помнят. Не помнят своего последнего вздоха. Они забыли, каково это вообще - дышать...

Но к чему я, собственно? Все, что сказано выше, - бессмыслица. Мы хотим поговорить о любви и ревности. Это, наверное, ближе к делу. Разве нас интересует, что будет после смерти? Забавно, не правда ли? Может, мы должны вместе с умершими перевозить и паломников? В одной барке, рядом, и Харон у руля.

Я - наблюдатель. Я наблюдаю за погодой. Сначала погода приходит ко мне и лишь потом - к остатку моих людей. К остатку, к останкам - здесь эти понятия смешиваются, но, по-моему, я понимаю, о чем говорю. Я хочу сказать, что наблюдатель - первый, кто видит настроение. Видит условия для грядущей смены настроения. Присутствует при появлении элементов, создающих настроение.

Он видит, как ниоткуда налетает сухой горячий ветер, принося с собой скуку и опустошенность. Поговорите о дерзости гордых! Задача наблюдателя наблюдать и отстукивать новости ключом коротковолнового передатчика. Передавать их миру, своему миру, собственному «я», которое он ищет и не находит.

Одиссей спрятался в кустах на берегу, когда началось японское вторжение в юго-восточную Азию. Из своего лагеря герой легко мог видеть весь пролив. И когда японский флот продефилировал мимо, он схватил передатчик:

- Беда идет! Там четыре линкора и куча других кораблей.

Наблюдатель поднимает тревогу в случае опасности, а когда опасности нет, он, возможно, отстукивает тем же ключом свои мысли. Быть может, даже отключает питание, чтобы не расходовать энергию зря. Поскольку обращается только к себе.

Но если говоришь сам с собой, зачем тогда передавать про эти корабли? Да затем, что надо держаться за какое-то подобие реальности. Одиссей поклялся не сдаваться судьбе.

Представьте себе божественного наблюдателя, следящего за погодой. Точнее, даже не за погодой, а за сопровождающими ее видениями. Как будто он - последний в мире живой человек и ведет разведку для тех, кто придет потом. Но так ли это?

Есть и еще одна возможность. Вдруг он просто остался один и спятил от одиночества, как Кевин Костнер на заброшенной западной

заставе <Р. Шекли имеет в виду фильм «Танцы с волками» с Кевином Костнером в главной роли.>? Армия не прислала ему подмоги, ведь, насколько нам известно, никакой армии нет, нет никого, кроме К. К. Он одинок, он видит сны, и иллюзии владеют его сознанием. Голоса сирен - это тоже в каком-то смысле погода.

Когда приходит такая погода, надо привязать себя к мачте, к кухонной плите, если нет мачты, или даже к аутригеру, если нет ни того, ни другого. В любом случае узлы должны быть как можно хитрее, чтобы когда вы, обезумев, захотите развязать их и пойти к этим прекрасным женщинам с рыбьими хвостами, вам потребовалось бы как можно больше времени. Освободиться сразу не удастся, веревки - штука прочная. И тогда вы начинаете проклинать себя, того человека, чья недавняя предусмотрительность послужила причиной вашей теперешней беспомощности. Именно сейчас, когда вам так хочется, когда вам надо, когда вы должны немедленно освободиться и умчаться с ними, с прекрасными сиренами бледно-зеленого моря! Вы рветесь изо всех сил и пытаетесь разорвать свои путы, вы разрезаете их...

Точнее, разрезали бы, если бы не ваша проклятая предусмотрительность - ведь вы поспешно убрали подальше все ножи, все косы и серпы, все бритвы и крючки для штопки, даже кусочки металла и битого стекла, которыми обычно завален двор. Теперь до них не дотянуться, надо развязывать все узлы по одному. Вот что случается, когда погода приносит с собой голоса сирен. Но вы здесь, и вам надлежит следить за кораблями. И за погодой. А иногда поднимается волнение, и вас волнует любовь, а то и деньги. И неважно, как далеко вы уплыли, неважно, как одиноко вам на пустынном острове, с вас все равно требуют денег.

- Отдай наши деньги! - кричат алчные духи.

А потом надо найти голос. Ибо голос рассказывает истории. Голос и есть история. Что-то завораживающее есть в этой истории. Поэтому мы не можем противостоять ей.

Однако я забыл упомянуть: рассказчик наш, Одиссей, определенно не в своем уме. Не стоит доверять его словам. Сам Одиссей знает, что в какой-то степени ненормален. Знает он и то, что никогда не сможет оценить глубину своего помешательства. Но это помешательство по крайней мере не из тех, что не оставляют места для сомнений. Одиссей - то как раз все время сомневается, а потому следит за собой и никогда не достигнет полного безумия, как многие другие. Как люди, бегущие за сиренами.

Да, господа, я обращаюсь к вам. И не прячьтесь обратно в тень, притворяясь, будто вы меня не слышите. Вся соль этой шутки в том, что вы, возможно, совсем не опасны. Вероятно, вас вообще не

существует, вероятно, вы лишь игра моего воображения. Но кто-то здесь все же должен быть. Потому что мне больно, мне плохо, а ведь не сам же я причиняю себе боль! Это делаете вы, оттуда, снаружи. Вы причиняете мне боль, следовательно, существуете. Мне больно, следовательно, я существую.

Но я вам говорил, господа, что давно уже живу на этом острове и преданно несу свою службу. Я наблюдаю. Вот только генералы наши ошиблись. Это были не персы, а японцы. И я следил за их кораблями. Надо предупредить Агамемнона - он должен знать о передвижениях вражеского флота. Если на нас нападут до того, как мы утвердимся в Трое, пока корабли наши будут еще в море... Вот видите, как все это важно!

Я наблюдатель. Метеоролог. Лишь только я замечаю первые признаки смены погоды, я сразу сообщаю о них Агамемнону телеграфом. Мы общаемся с помощью азбуки Морзе. Язык распространенный, однако персы не знают его. Азбука Морзе - язык мертвых.

Предполагается, что мы поступаем не так. Не используем известный язык. Мы должны зашифровывать все донесения. Но это сообщение срочное, и я не стал возиться с шифровкой. Здесь японский флот, а я пытаюсь связаться по радио с Агамемноном.

Афина предупреждала нас, вы же знаете. Она сказала, что эту войну выиграет та сторона, у которой голова яснее. Ведь на самом-то деле против вас боги, сказала она. А троянцы - это только отговорка.

А еще она сказала:

- Вы думаете, что всегда можно как внести предложения, так и забрать их. Нельзя торопиться с решением таких важных вопросов. Научитесь терпению! Разбирайтесь с частностями. Делайте это столько раз, сколько потребуется. Отсекайте лишнее.

Думаю, именно это она и сказала. Во всяком случае, так я запомнил ее слова. Конечно, голос богини звучал лишь у меня в голове, и доказать я ничего не могу. Но если нельзя доверять голосу у себя в голове, чему же тогда верить?

Здесь, на берегу, есть кто-то еще. Вчера я видел следы.

Оказалось, что оставил их бог. Необщительный бог, который не хочет, чтобы люди его тревожили. Молитвы не дают ему уснуть. Он думал, что обрел наконец безопасное убежище на этом безжизненном острове. Но богу не повезло. Последний, самый упорный поклонник выследил его и здесь. Этот человек так стремился к исполнению своих желаний, что сумел-таки выучить правильное сочетание слов и звуков и последовать за богом даже сюда. Он хотел получить благословение.

Да, богу это неинтересно, но его супруга или наложница могут пожалеть человека и разобраться в его просьбе. И действительно, жена бога уговорила его помочь человеку. Бог думал, что не пристало бессмертным вмешиваться в подобные конфликты. Но, узнав, что противной стороне помогает другой бог, он переменял мнение. Тот, второй бог, бог богатеев, землевладельцев и заимодавцев, хотел, чтобы власть оставалась в руках эксплуататоров. Наш бог увидел это, разозлился и решил помочь тому человеку. Только сначала следовало узнать, что по этому поводу думают Великие Боги. Он отправился к ним, решив лично все выяснить. И обнаружил, что вместо богов сидят боги-роботы и делают все, что положено делать настоящим богам.

И когда бог пришел к этим богам-роботам, он понял, что сам попал в беду. Боги не любят бродяг и скитальцев - так же, как и люди. И боги-роботы ополчились против одиночки. Теперь уже ему самому нужна была поддержка людей, чтобы выиграть войну с богами-роботами. И люди пришли, пришли бороться с этими искусственными богами.

Как можно бороться с богами? С помощью духовной силы. Силы молитвы.

Много раз беседовал Одиссей с Хароном. Он прекрасно ладил с перевозчиком душ. Встречались они обычно в маленькой таверне на берегу Стикса. Пили пиво. Болтали о делах нынешних и минувших.

Одиссей всегда думал о новых приключениях. Однажды он спросил у Харона:

- А правда, что Стикс - замкнутая река? Или он все-таки где-то кончается?

Харон посмотрел на собеседника поверх своей банки с пивом.

- Стикс, - сказал он, - самая известная река в мифологии. Есть у него конец или нет, зависит от того, есть ли он, по-твоему, у мифологии.

Здесь, в таверне у Стикса, наступил вечер. Над головой летали большие птицы; Одиссей долго вглядывался, но так и не понял, какие именно. И поинтересовался у Харона.

- Это лебеди, - ответил Харон. - Хотя необычные. Рассказать тебе одну историю?

- Ну конечно!

- Обычно считается, что лебедь - очень привлекательное создание. Но не все они таковы. Не стоит плакать над пролившимся молоком <Английская пословица. Означает приблизительно: «Слезам горю не поможешь».>. Этот лебедь жил в журчащем ручье. Он был говорящим лебедем, но говорил всегда только одно: «Не стоит плакать над пролившимся молоком».

- Необычная реплика, - сказал Одиссей. - Что же он имел в виду? И как получилось, что он говорящий?

- Говорить лебедь умел потому, - объяснил Харон, - что когда-то был прекрасным юношей. По-моему, это очевидно.

- Очевидно - если задумаешься, - сказал Одиссей. - А почему он все время говорил про молоко?

- Такова была его реакция на встречу с мелководьем. Видишь ли, лебеди очень своеобразно относятся к мелководью. Им неудобно и страшно на мелком месте, ведь там они не могут одновременно махать крыльями и грести лапами, а значит, не могут и взлететь. Для того чтобы взлететь, лебедю нужна глубина во весь его рост - от кончиков перепончатых лап до нежных белых перьев на затылке. Иначе им просто не вырваться из воды.

- А при чем тут молоко?

- Молоко приносила женщина, - объяснил Харон. - Она приходила к воде каждый день и приносила сосуд с молоком.

- Что это был за сосуд? - спросил Одиссей. Его всегда интересовали такие вот мелкие детали.

- Большая выдолбленная тыква с кривым узким горлышком. Женщина несла ее на одном бедре. Она очень хорошо смотрелась в такой позе, с выставленным бедром. Величественная молодая женщина. Можешь себе представить, какое впечатление ее выставленное бедро производило на деревенских парней.

- Каких парней? Я думал, там был только лебедь!

- Конечно же, там были и другие люди, - сказал Харон. - Просто я о них еще ничего не говорил. Не могу же я рассказывать про всех одновременно! Так на чем я остановился?

- На деревенских парнях, - напомнил ему Одиссей.

- Я помню. Очень милые были ребята. Обоим по восемнадцать.

Приехали на лето к своему дядюшке-фермеру.

- А как их звали? - спросил Одиссей.

- Кастор и Поллукс.

- Похоже, я их знаю, - пробормотал Одиссей. - Они ведь как-то связаны с Еленой Троянской, верно?

Муза, взгляни благосклонно на наши усилия! Рты наши песней наполни и священным безумьем сердца. Ибо мы пытаемся ни больше ни меньше, как поднять один из великих вопросов и поговорить об Одиссее, об этом боге среди людей, о любопытном герое-человеке с его причудами, и недостатками, со всем тем плохим и хорошим, что в нем заложено. Вот кто сейчас занимает наши мысли, и мы уснем спокойно, если это все, что можно о нем сказать. Или лучше, пока стрела еще летит, продолжим наши рассуждения об Одиссее, герое множества удивительнейших историй. И сами попробуем рассказать о нем что-нибудь.

Одну из историй связывают с островом феакийцев. Именно там встретил Одиссей Навсикаю. Ничего из этого, правда, не вышло, но принцесса просто глаз не могла оторвать от высокого, похожего на бога героя стольких сражений. В легенде еще упомянуто, что Афина изменила внешность Одиссея в соответствии со своими божественными представлениями о красоте. Она сделала героя выше и придала его кудрям сходство с локонами самого Зевса-Олимпийца. Разгладила черты лица Одиссея, подровняла ему бороду, сделала массаж и растерла спину, чтобы быть уверенной, что он действительно выглядит хорошо.

Вы можете спросить: а о чем, собственно, думала богиня? Зачем ей понадобилось самолично заниматься подобными вещами? Но такова уж была Афина. Стоило Одиссею скрыться с ее глаз, и тут же она снова начинала беспокоиться: «Как он там, что с ним?» Друзья предупреждали ее. «Не дело, - говорили они, - богине брать в любовники смертного. Хотя для некоторых это искушение и непреодолимо...»

- У тебя ведь были смертные любовники. Скажи мне, на что это похоже? - спросила Афина у Афродиты.

- Это было чудесно, - ответила Афродита. - Хотя совсем не так, как с бессмертными. Ты можешь подумать, что боги - лучшие в мире любовники. Ведь бог способен заниматься всем, чем захочет, сколь угодно долго. На самом же деле боги слишком капризны и непостоянны. Они вообще никогда не пользуются своими исключительными возможностями или применяют их только для того, чтобы что-нибудь разрушить. Им лишь бы молниями кидаться!

И тогда Зевс, невидимый глазу богинь, бросил свое оружие, лег на землю у журчащего ручья в тени большого дерева и долго лежал там с открытыми глазами, мечтая. О чем? Все они так поступают, все боги. Даже Аполлон, которого просто немыслимо представить в бездействии, большую часть времени дремлет и мечтает. Откладывает сладкоголосую лиру - никто не сравнится с Аполлоном в игре на ней - и играет в своих грезах на инструменте доселе непридуманном. Знаете ли вы, что Аполлон многократно выигрывал музыкальные состязания? Однако в споре с Орфеем он признал себя побежденным.

- Играю я, как бог, то есть превосходно, - сказал Аполлон. - Но когда превосходно играет смертный, он привносит в музыку нечто такое, чего не может ни один бог. Возможно, это сознание неизбежной смерти. Оно заставляет ваше сердце биться сильнее, а музыку делает такой прекрасной, что словами этого уже не описать.

Воистину боги ослеплены человечеством. Глаза их постоянно прикованы к нашей брэнной земле. Есть причины тому, что люди (за

редкими исключениями вроде Геракла) не становятся богами. В каком-то смысле положение богов хуже. Не обладая даром смерти, человек и надеяться бы не мог достигнуть величия. Смерть - самое ценное из того, что у него есть. Ревнивые боги с удовольствием похитили бы этот дар, притворяясь, что совершают благодеяние, хотя на самом деле это просто грабеж. Бессмертие - для гор, а не для людей. И бог больше походит на облако, чем на человека. Богам надо прилагать очень много усилий, чтобы стать похожими на людей, - а большинство из них не любят себя утруждать. Только немногие, такие, как Аполлон, хотят развить свои божественные таланты и поднять их на новый уровень.

- Скажи же, Одиссей, что сделал ты? Расскажи о своих приключениях!

- Едва ли я смогу ответить. После Трои мы разграбили еще какой-то город. Я даже не помню, как он назывался. Но мы убили множество мужчин и похитили множество женщин. Тогда-то и начались все наши беды.

Моя память перескакивает с одного на другое, как это умеет делать только память. Редко встретишь рассказчика, способного начать сначала и закончить в конце. Здесь вы ничего подобного не найдете. Я помню лишь отдельные события, те, что поважнее. Например, историю с Калипсо. Или с Навсикаей и феакийцами. Путешествие в подземный мир, где я снова разговаривал с Ахиллом. Впрочем, сам разговор я помню плохо. А еще была Цирцея, превратившая в свиней всю мою команду, и был остров циклопов. Мы даже сняли там фильм. Думаю, это почти все мои приключения, но, возможно, были еще и другие. Наверняка я когда-нибудь вспомню и о них. Или что-нибудь почитаю и расскажу вам о том, что вспомнил.

Ведь истории-то в основном известные. Я уже читал о своих приключениях, правда, мне это мало помогло. Что само по себе удивительно - кто сочинил все эти истории, почему он уверен в их истинности, если даже я ничего не знаю? Вот уж чего я в те дни не испытывал, так это уверенности. Не место это было для уверенности - тот античный мир, в котором я жил когда-то давным-давно. Сейчас все изменилось. Другие времена, другая эпоха. Наверное, я должен радоваться тому, что жив. Одна из привилегий героев первого разряда в том и состоит, что вас тщательно оберегают.

Есть и другие воспоминания, те, что преследуют меня постоянно. Не могу, например, забыть о том, как меня заставили принять участие в дурацкой войне с троянцами. Боги, как мне хотелось остаться в стороне! Я тогда как раз стал царем Итаки вместо своего отца Лаërта. У меня была молодая жена, Пенелопа, красавица, каких мало. И я готов был править.

Это совсем не так просто - быть царем на маленьком древнегреческом островке. Посчитать одни только расходы на мрамор... Тут-то они и заявили - Ахилл, Агамемнон и еще один тип, все время забываю, как его звали, как-то на «П», по-моему, - тот, что изобрел азартные игры. Вот и для меня он придумал такую игру и тут же сыграл в нее, прямо там, на месте. Когда я прикинулся безумцем и отправился засеять свои поля солью, они взяли моего новорожденного сына, Телемаха, и положили его в борозду перед плугом. Как вам нравится такая игра? Чтобы доказать всем, что ты безумец, ты должен убить собственное дитя. Но разве можно сохранить разум, убив своего ребенка? Это я понял сразу. Ненавижу играть по чужим правилам. Не хотелось мне участвовать в этой войне. Как хорошо было бы жить на своем острове, не высовываться, не лезть ни в какие авантюры. Вы даете своим подданным уверенность в завтрашнем дне, получаете от них приличное жалованье, ваш белый домик стоит в прохладной роще... Я стал бы членом деревенского клуба, а летом жил бы на ферме у старого Лаэрта. Вот какая жизнь должна была ожидать меня, и тут - на тебе! - приезжают какие-то типы и швыряют моего ребенка в борозду перед плугом. И я остановил быков, а Агамемнон сказал:

- Вот и хорошо, Одиссей! Если у тебя хватило разума не раздавить свое дитя, хватит его и на то, чтобы воевать с троянцами.

И ничего не сделаешь, чтобы заставить Агамемнона и иже с ним изменить свое мнение. Встали намертво - желают, мол, они разобраться с троянцами. Одни говорят, что дело в Елене, другие - что Елена только предлог, а конфликт возник на почве торговли. «Вы там были, - говорят мне, - вот вы и объясните, почему они воевали». А я говорю, что люди воевали, потому что их науськивали военачальники, и у всех были оправдания, и никто не знал, что делает.

Вот так и началась эта бесконечная война. Со всеми ее перипетиями, вроде истории с Ахиллом и Брисеидой... Все в этой войне было predetermined заранее. Но какая война, какая война...

И сказали Одиссею: требуем мы от тебя лишь одного - отнесись мужественно к тому, что произошло. Твой порезанный палец может быть знаком. Забинтуй его, не так уж это и трудно. Кончик пальца свободен, значит, печатать ты сможешь. Бинт остановит кровь. Но для чего еще нужен бинт? Чтобы служить напоминанием. Вот истинное значение обмотанной вокруг пальца тряпочки. Не может быть, чтобы боги этого не понимали. Тебе нужен был повод замотать палец - что ж, они его дали. Так о чем же ты себе напоминаешь? О том, что каждый день должен выпускать на пастбище стадо слов. Два часа те должны пастись, а ты и думать не смей оставить в загоне хоть одно маленькое словечко. Выгони все стадо! А бинт на пальце напомнит тебе, что

такова твоя работа и учиться ты должен лишь тому, что поможет тебе в ее выполнении. Работа достаточно проста, но делать ее необходимо.

Одиссей во дворце у царя феакийцев Алкиноя. Расплакался герой, услышав, как поет бард Демодок о героях троянской войны. Алкиной попросил, чтобы Одиссей спел сам. И тут начинается та часть истории, которую можно толковать по-разному. Кое-кто утверждает, что Одиссей вообще отказался что бы то ни было рассказывать, потому что память у него плохая, да и поэт он никудышный и не сможет спеть так же хорошо, как Демодок. Так брала за душу песня барда, что даже такой герой, как Одиссей, не смог удержаться от слез, услышав ее.

«Но до какой-то степени певец искажил историю, - думал Одиссей, - ведь не может же быть, чтобы все это случилось со мной!»

И сказал Алкиной:

- Мы хотим услышать все из твоих собственных уст, Одиссей. Не бойся испортить рассказ лишними паузами, повторениями или двусмысленностями. Не думай о несоответствиях между тем, что помнишь ты, и тем, что запомнил кто-то другой. Мы сами позаботимся обо всем. Здесь, в Феакии, мы слагаем мифы и легенды для Всеэллинской Психоволны - лучшей из радиопрограмм, какую может представить себе человек. Только мы воздадим должное твоей истории и положим последние мазки там, где это необходимо. Я уже вижу, где стоит немного подправить твой рассказ. Будь у тебя возможность вернуться назад и пережить свои подвиги еще раз, ты сделал бы все именно так, как я говорю.

- Адскую работенку вы мне задали, - сказал Одиссей. Ведь хотя Афина и сделала его выше, сильнее и красивее, уверенности он так и не обрел. «Если бы я действительно был таким, - думал он, богине не понадобилось бы делать все это за меня. И вообще, не понимаю я, почему она так обо мне печется?». И он задумался о побуждениях богини. Может, она его любит? Одиссей не осмеливался в это поверить, хотя другого объяснения не видел. А что же тогда сказать об Афине? Извращение это - ее любовь к прославленным смертным, заслуживают они ее или нет. И Одиссей пожалел, что у богов нет своего психиатра. Вот уж что бы им не помешало!

- Скажите, Афина, почему вы так беспокоитесь обо всех этих смертных?

- Не знаю, доктор. Я была весела и беспечна, а потом на меня как будто накатило. Я поняла, что никогда уже больше не буду счастлива. Существование богини бесплодно и бесполезно. И тогда мне захотелось завести любовника из смертных. Захотелось самой стать смертной. А что ближе всего к тому, чтобы быть человеком? Только любить человека.

Едва Одиссей решил вздремнуть, как за ним пришли. «Нехорошо, Одиссей, опять ты за свое». Вот он, античный мир. Только добираться до чего-то, как приходится начинать все сначала. Посмотрите на Сизифа. На самом деле (только этого почти никто не знает) это писатель по имени Асмодерий, которого поразила писчая судорога. Он был самым модным автором любовных романов в античном мире, а превратился в полное ничтожество. Что же произошло? А мы не знаем! Психологию в те времена еще не изобрели. Она появилась значительно позже. В античном мире все объясняли аллегорически, с помощью мистики. Классический подход. Если кто-то возжелал свою мать, виноват в этом не он, а боги. Так же и с Асмодерием: не он виноват, что у него случился творческий кризис. Это бог наказал его за что-то. Какой бог? Аполлон, без сомнения. Завистливый был бог.

Ни одна из пьес Аполлона для лютни и лиры так и не была опубликована в мире людей. Да, их восхваляли, ими восхищались решительно все, но ни одна пьеса так и не вышла в огромном издательском центре Битиниум. Музыка Аполлона называли божественной, а издавать предпочитали таких проверенных мастеров, как, например, Орфей. Ха, Орфей! Он многое знал. Для таких типов у нас найдется парочка испытанных трюков. Кто-то приходит к его жене. «Поздравляю, вы выиграли земельный участок в пол-акра в Солнечной Юдоли, Флорида, с трехэтажным коттеджем и гаражом. Там есть комната для развлечений и куча других приятных вещей. Вот заодно и бесплатный пропуск в Диснейленд. Вам надо всего лишь пройти с нами, чтобы оформить владение».

И Эвридика, ничего не подозревая, пошла. Ведь у этих типов были рекомендации, значки и бумаги со всевозможными печатями. Перед ней стояли солидные, внушающие доверие люди, из тех, что все время смотрят вам прямо в глаза, - никто бы не поверил, что такие могут лгать. Увы, именно такие, честные с виду, на самом деле хуже всех. А может, они и в самом деле были честными, а обманул их мстительный Аполлон, который все это и придумал, - кто знает? Но она пошла с ними, милая Эвридика, с длинными черными волосами, с чудными грустными глазами, и ее аккуратную фигурку скрывали синие атласные одежды. О, прекрасная Эвридика! И они увели ее с собой. Когда прошло сколько-то времени, она сказала: «Послушай, Тототшка, а ведь мы не в Канзасе, *n'est pas?*» <Не правда ли? (фр.)> Она говорила по-пафлигонски, наша прекрасная Эвридика, и у нее была маленькая собачка, о которой в истории не упомянуто, поскольку божественный цензор сказал, что маленькая собачка - это уже слишком. В конце концов мы ведем речь про Орфея, а не про Эвридику.

- Расскажи нам об Орфее, Эвридика.

- Он композитор и музыкант. Только не спрашивайте меня, что он делает. Лежит себе и сочиняет песенки.

Для Эвридики песни Орфея - ничто. Пустое занятие, которому он предается вместо того, чтобы приготовить сыр или сделать еще что-нибудь полезное и накормить семью.

И вот они ведут ее вниз по тропе, и чем дальше, тем темнее становится вокруг.

- Это не Флорида! - восклицает Эвридика.

- Нет, - отвечают ей похитители. - Мы вас обманули. Извините нас, леди. Так вот и рушатся надежды.

- Но где же я? - спрашивает Эвридика.

- В царстве мертвых. Эвридика оглядывается.

- Фу, как здесь грязно! Они лишь пожимают плечами.

- Мы же мертвые! Что мы, по-твоему, можем сделать?

- Вы ведь еще в состоянии удержать метлу, верно?

И Эвридика подала им пример. Она нашла метлу. Ту самую, на которой обычно летала Геката. Мысленно управляя этой метлой, Эвридика вымела все кучи сажи и даже подмела под Немезидой - а этого до нее не осмеливался сделать никто.

Там она и осталась, вдали от Флориды, вдали от Греции, вдали от всего мира, мертвая, в царстве мертвых.

Ее ничуть не удивило, что она стала мертвой, не заметив этого. Пусть подобными вопросами занимаются философы, а Эвридика совсем не философ. Она знает только, что мертва, а значит, нарушены ее гражданские права.

Да, а еще Сизиф и Тантал, со всеми их бедами. Мало им было неприятностей при жизни, так понадобилось еще, чтобы кто-то придумал миф об их муках, и теперь каждый в какой-то степени страдает от сизифонии и танталлизации. И то и другое - проблемы современной жизни. Мы говорим о грубых предвестниках гамлетовского «Умереть, уснуть». Мы говорим об Эдипе и ему подобных. Мы говорим о начале нашего Западного Образа Жизни. О путешествии героя со всеми его превратностями. Но главным образом мы говорим о превосходстве собственной личности: «Теперь я вижу, как превзойти себя. Так говорил Заратустра». Мы говорим о Талосе <Талос - медный великан, подаренный Зевсом Миносу для охраны Крита.>, первом в мире роботе с единственной замкнутой жилой, разносящей кровь по всему его телу. О нервничающих богах, которые вглядываются во мрак сомнительного будущего и видят, что кончится все очень скверно. Мы говорим о реальных вещах, о безумии, которое наложил на нас античный характер. Потому что они так ужасны, эти белые античные города, с их священными правителями и полным

отсутствием телевидения. Мы говорим о беспорядке, царившем на земле до наших дней, с их удобствами, с их грубостями и остротами, без которых жизнь была бы невыносима. Нет больше плавных переходов Одиссеева красноречия - мы слышим вокруг лишь односложное хрюканье, визг и ругань. И если конец готов у нас еще до того, как появилось начало, мы старательно отпихиваем его. «Уходите, уходите, дорогой мистер Конец, мы пока еще здесь, в начале». Но старина Конец тоже кое-что знает. Ладно, ладно, детишки, бормочет он, не моя вина, что дар слова был отдан в мое распоряжение, что тем самым я могу нынче, когда пир еще в самом разгаре, заставить вас остановиться с куриной ножкой, застывшей у самых губ, и рассуждать о смерти и склепе. А в склепе холодно и сыро. Там ходят женщины в черном с пурпурными губами, и пришли они туда вовсе не для того, чтобы постирать, как Эвридика, и так оно и идет, все эти разговоры и веселье.

Ну, вы представляете, что мы чувствуем, когда слышим такое. И мы просим объяснить все по порядку.

- Давайте мы разберемся, раз уж вы не можете, - говорим мы. - Не может быть, чтобы нельзя было разобраться. Забудем о вампирах и прочей нечисти. Классика о них умалчивает, а значит, они нам не нужны. Можно найти способ вернуться туда, где светло и просторно, где бродят антилопа и псевдолопа, а квазилопа пасется в зарослях дурмана, и вдруг все искажается, и мы снова в салуне, который попал сюда, вероятно, прямо из ада, и бармен смотрит на нас и спрашивает: «Что будешь пить, странник?». И тогда мы понимаем, что убежать невозможно, что все кругом - лишь бесконечная цепь салунов, а внутри них темнота и запустение, и так нам не хочется снова там оказаться, что мы изо всех сил представляем себе, будто таких мест вообще не существует, надеясь таким образом от них избавиться. Но тщетны надежды! Ведь не сказать, каковы в данное время законы природы, однако всегда понятно, что сработает, а что нет.

<http://book.zehinli.info>

6

6

5

5